

Экономика и управление

УДК 340.12:159.9:159.942

Бокач Сергей Борисович

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

E-mail: amurhouseaudit@mail.ru**Bokach Sergey Borisovich**

Amur state University

Blagoveshchensk, Russia

E-mail: amurhouseaudit@mail.ru**СУДЕБНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ,
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****JUDICIAL REASONING: LEGAL, HISTORICAL-PHILOSOPHICAL,
PSYCHOLOGICAL ASPECTS**

Аннотация. В настоящее время проблемы развития науки судебного процесса тесно связаны с эффективностью логического соотнесения субъективного и объективного при проведении необходимых действий и процедур в судебном разбирательстве, выявлении закономерностей развития судопроизводства с точки зрения знаний об объективной действительности. Эта проблема не нова, имеет исторические корни. Ее понимание позволит изменить устоявшиеся принципы и представление о формировании судебного умозаключения, получать более справедливые судебные акты.

Abstract. At present, the problems of development of the science of judicial process are closely related to the effectiveness of logical correlation of subjective and objective in carrying out the necessary actions and procedures in court proceedings, revealing the regularities of the development of legal proceedings in terms of knowledge of objective reality. This problem is not new and has historical roots. Understanding of this problem will allow to change the established principles and ideas about the formation of judicial inference, to obtain more fair judicial acts.

Ключевые слова: юридический, исторический, философский, психологический, суд, умозаключение.

Key words: legal, historical, philosophical, psychological, court, inference.

Не только юридическое, но и историко-философское исследование закономерностей развития судебной власти, а также умозаключения судьи создают возможность получения обоснованных судебных решений, влияющих на формирование справедливого общества. Судейские властные акты способны создавать логически построенные и связанные решения не только в качестве мнения судейского сообщества, но и выраженные в соотношении права с экономическими явлениями, законами, современными требованиями общества. Они способны оказать влияние на формирование норм и нравственных ценностей через уважительное,

сознательное отношение к суду. Исторические и психологические аспекты знаний могут оказать помощь в определении путей разрешения обозначенной проблемы.

Сущностное понимание соотношения общего и частного, субъективного и объективного на стадии судебного и досудебного процесса ведет к построению эффективного умозаключения и логического, реального, а не максимально оценочного суждения. В этом случае научные выводы относительно психологического портрета типичного человека могут оказать влияние на оценку рационального или нерационального поведения человека конкретного.

Правовое регулирование судебного процесса не затрагивает ценностный аспект человеческой жизни, оценка которой находится на втором плане. Познание носит неличный характер, не затрагивает психологические аспекты поведения личности, познаваемое объективно форматизировано в определенные рамки. Аксиологические проблемы судопроизводства, по мнению И.Г. Смирновой, поднимаются в сфере юриспруденции ввиду неэффективности правового регулирования в данной отрасли права [1, с. 4], необходимости на фоне изменений вносить в уголовно-процессуальный закон совершенствования на более глубоком уровне, с учетом в том числе и составляющей философских правовых учений. Раскрытие правовых явлений и определение их смысла, учет при этом психологических (экономических) проявлений действительности в связи с правовыми нормами, смежных оценок поведения общества и отдельных индивидуумов в смысле соотношения должного и сущего, но не выведенного как теоретическое умозаключение, а как философский научный аспект, результат мысли суда, основанной на закономерностях развития политической и экономической ситуации общества.

Вопросы о сущности права, взаимосвязи его со схожими правовыми явлениями других отраслей знаний давно исследуются учеными в области философии, теории права, социологии и других наук, которые ведут поиск рациональной формы построения права во взаимосвязи с другими системами, выступающими регуляторами российской общественной жизни.

Философские, психологические (в меньшей мере экономические) учения о праве, развивающие нормотворчество, хотя прямо не ориентированы на разработку содержания правовых норм, но с помощью этических, нравственных норм закона, справедливости решения суда влияют на судебную власть. В такой же и не в меньшей мере подобное влияние должна оказывать на судебную власть не только политическая, но и экономическая наука.

Проблемами права и нравственности занимались выдающиеся правоведы – Н. Алексеев, И. Ильин, П. Новгородцев, Е. Трубецкой и др. Основоположниками психологического правопонимания считаются Л. Петражицкий, З. Фрейд, Рейснер. Общеизвестным в философских учениях о праве является постулат – право не может существовать без морали. Известный русский юрист П.Г. Виноградов писал, что «право не может быть оторвано от морали, поскольку оно ясно содержит, как один из своих элементов, понятие правильности, которому соответствует моральное начало справедливости» [1, с. 15].

Проблемами экономики в праве стали заниматься гораздо позднее и не столь «плотно» либо правоведы, либо экономисты, изучающие право как смежную дисциплину, но только со своей позиции [21, 22, 23 и др.].

Соблюдение в процессуальном процессе такого принципа как «состязательность сторон» (АПК РФ, ГПК РФ, УПК РФ) имеет определенную нравственную направленность: суд

считает условием исполнения сторонами своих процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав обязательность нравственности, этичности отношений для участников процесса.

Судебное следствие в аспекте философских учений о праве может быть исследовано с позиции психологической концепции права.

Считая психику человека источником его правовых воззрений, представители данной концепции сводят право к эмоциям и чувствам. Право, – писал Л. Петражицкий, – это явление индивидуальной психики, т. е. особые эмоции, обладающие специфическими признаками [2]. Он делил право на несколько видов – интуитивное (автономное) и позитивное (гетерономное), официальное (законное), неофициальное (обычное) – и делал вывод, что истинным будет право интуитивное, поскольку оно во внутреннем мире человека и отражает его психические переживания. В случае решения судом дела по закону, такое решение будет проявлением «законного права», если решение вынесено по обычаю – «обычного права», если по справедливости – «интуитивное право» [18].

На законах психики основано и определение внутреннего убеждения суда, которое, как считает ряд авторов, формируется в ходе судебного следствия с учетом психологического и гносеологического аспектов [2, с. 32].

Позиции интуитивного права отстаиваются теми учеными, которые считают, что участие в судебном следствии присяжных заседателей, их «профессионализм» обоснован «здравым смыслом». Его основа, как думается им, – это здравый смысл «двенадцати человек, представляющих различные социальные слои общества, их культуру, знающих местные условия жизни, нравы и обычаи людей разных социально-психологических типов» [14]. Одним из достоинств психологической концепции Л.И. Петражицкого была ее ориентированность на «политику права», которая в современной теории права называется правовой политикой и понимается как деятельность государственных органов в сфере правового регулирования.

Правовая политика в сфере судебного разбирательства связана прежде всего с правом граждан на справедливое судебное разбирательство. Речь идет о компетентности, беспристрастности, независимости. На благоприятность правовой среды в судебном следствии большое влияние оказывает также правовая культура его производства. По отношению к судебному разбирательству авторами употребляются термины: «судебная культура», «культура правосудия», «культура судебной деятельности», причем вкладывается различное понимание. Судебная культура рассматривается как степень (уровень) совершенства в овладении судебной деятельностью, проводимой в рамках правовых и нравственных норм [8, с. 95]; культура правосудия – единство «юридических, экономических, научно-технических, организационных, личностных и других средств и приемов, обеспечивающих качество судебной деятельности по осуществлению правосудия» [9, с. 30]; культура судебной деятельности «включает в себя: 1) рациональную организацию труда в суде, 2) профессиональное мастерство работников суда, 3) судебную этику, 4) судебный этикет» [7]. Следовательно, в основе правовой культуры судебного следствия лежит и правовая культура суда, и правовая культура других участников судопроизводства. Именно сочетание создает благоприятную правовую среду, которая оказывает существенное влияние на последующее решение суда.

Таким образом, право, судебная деятельность нуждаются во взаимном проникновении теоретических исследований ученых, результатов обобщения практики в области философии

права, теории права, психологии, экономики и других смежных наук.

Традиционно логика выделяет три вида опосредованных умозаключений: дедукцию как достоверное умозаключение, индукцию и аналогию – как вероятностные, недемонстративные умозаключения, а современные исследователи добавляют еще и абдукцию – как умозаключение, отвечающее за построение версий [1, с. 418-419]. Выводы по аналогии в процессе исследования доказательств, возможно, и могут вызвать сомнение в полученных таким путем результатах. Однако этот метод, как и любой другой, придает доказательствам ранг наиболее вероятных исходов и дает ответ на вопрос: что бы произошло при прочих равных условиях и даже – как бы прочие условия изменились? Д. Пойа утверждал: «Возможно, не существует открытий ни в элементарной, ни в высшей математике, ни даже, пожалуй, в любой другой области, которые могли бы быть сделаны без аналогии» [2].

В некоторых публикациях аналогия определяется как умозаключение от частного к частному [3, с. 84], в других может быть представлена как путь рассуждения от единичного к единичному, а также от общего к общему [11]. Аналогию от общего к общему хорошо демонстрирует легенда из истории Древнего Рима, согласно которой сенатор Агриппа умиротворил взбунтовавшихся в Риме плебеев. В своей речи он сначала обратил внимание присутствующих на организм человека, где каждый орган выполняет свою функцию: ноги служат для передвижения, руки – для работы, а голова – для мышления. Голова дает приказы, а все прочие органы эти приказы выполняют. Государство – это тоже организм, в котором каждая часть предназначена для выполнения определенной роли: патриции – мозг государства, а плебеи – его руки. И если человек погибнет, когда его органы перестанут слушать голову и выполнять ее приказы, то и государство погибнет, если его граждане перестанут исполнять приказы головы, которой являются патриции. Плебеи согласились с доводами Агриппы, и народ успокоился. В приведенном примере понятие «организм человека» – общее, понятие «государство» – тоже общее, ход рассуждения идет от общего к общему.

В отличие от чисто абстрактных (теоретических) рассуждений судебное заседание должно решить достаточно конкретные (практические) вопросы. А для решения практических вопросов, особенно при моделировании чего-либо, аналогия вполне убедительна. Рассмотрим пример.

«Была такая организация ... «Французская ассоциация деятелей искусств», в которую входили писатели, художники, музыканты и т.д. Организация блюла свой авторитет: в ее ряды принимали только выдающихся мастеров искусства. Количество мест в ассоциации было ограничено, и новые члены могли вступить в ее ряды только по мере выбытия старых – данный принцип был закреплен в уставе ассоциации. Как-то раз руководство организации решило принять в нее немецкого композитора Людвиг ван Бетховена в нарушение устава, так как все места в ассоциации на тот момент были заняты. Выступая на заседании, председатель ассоциации сказал: «Сегодня мы должны решить вопрос о принятии в наши ряды великого композитора Бетховена. Как известно, свободных мест у нас нет, поэтому мы нарушаем наш принцип». Председатель выдержал паузу, затем поднял указательный палец вверх и произнес многозначительно: «Но!» Больше он ничего не сказал, а вместо слов последовал наглядный пример. Перед ним на столе стояли графин с водой, стакан и букет роз. Председатель налил из графина в стакан воды до самого верха, – мол, свободных мест нет. Затем оторвал лепесток розы и аккуратно поместил его на поверхность воды в стакане. И ни одна капля не про-

лилась. Зал разразился аплодисментами, и вопрос был решен без лишних разговоров» [6]. Вывод: членство гения в престижной организации только украсит ее и никому не помешает.

Таким образом, построение аналогии – это процесс прежде всего моделирования ситуации. Приведем один пример из практики Ф.Н. Плевако. Используется умозаключение по аналогии от единичного к единичному.

Ф.Н. Плевако защищал мужика, убившего свою жену. Когда слово предоставили защитнику, он встал и произнес: «Господа присяжные заседатели!» В зале начал стихать шум. Плевако опять: «Господа присяжные заседатели!» В зале наступила мертвая тишина. Адвокат снова: «Господа присяжные заседатели!» В зале прошел небольшой шорох, но речь не началась. Опять: «Господа присяжные заседатели!» Адвокат продолжал свой эксперимент до тех пор, пока зал от недовольного гула, ропота и возмущения не дошел до неистовства.

«Ну вот, господа, вы не выдержали и 15 минут моего эксперимента. А каково было этому несчастному мужику слушать 15 лет несправедливые попреки и раздраженное зудение своей сварливой жены по каждому ничтожному пустяку?!» – подвел итог защитник. Зал оцепенел, потом разразился аплодисментами, мужика оправдали.

Эффективность аналогии как моделирования ситуации демонстрировал и А.Ф. Кони, который всегда начинал защитительную речь со слов: «А могло быть и хуже!», далее выразительно рассказывал о возможных последствиях, сравнивая их с действиями обвиняемых, естественно, в их пользу, строя на этом приеме оправдательную речь.

Для убеждения присутствующих в собственной правоте могла использоваться и неправомерная аналогия в сочетании с психологическим давлением. Из практики Ф.Н. Плевако: дело о старушке, укравшей жестяной чайник стоимостью 50 копеек. Прокурор сам высказал все, что можно было использовать для смягчения приговора. ... И все же частная собственность, – был вынужден подчеркнуть прокурор, – является священной, и если позволить посягать на нее, государство погибнет. После речи прокурора слово было предоставлено Ф.Н. Плевако. Он задумчиво посмотрел в окно, словно наблюдая за чем-то очень примечательным, затем повернулся к залу и сказал: «Много бед и испытаний пришлось претерпеть России более чем за тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. И Батый конями топтал ее, и тевтонские рыцари насильовали, двенадцать языков во главе с Наполеоном Бонапартом подошли и взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... старушка украла чайник ценою в пятьдесят копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно».

На одном судебном процессе, адвокатом на котором выступал А.Ф. Кони, подсудимому хотели вынести обвинительный приговор на основании того, что в его саквояже был обнаружен воровской инструмент, но факта воровства не было установлено. Кони заявил: «Тогда и меня судите за изнасилование». Когда судья возразил: «Но ведь факта не было». Кони парировал: «Но инструмент-то имеется». Перед нами умозаключение по аналогии от общего к общему.

Современные адвокаты, несмотря на жесткие рекомендации: речь в суде обязана быть строго официальной и не может содержать элементов юмора и иронии [7, с. 43], тем не менее, пытаются уходить от сугубо деловой речи и позволяют себе использовать юмор, а некоторые – и сатиру. Предельно эпатажным адвокатом в Москве сегодня является А.А. Добровинский, который использует иронические сравнения, заменяющие умозаключения по аналогии [8].

Умозаключения по аналогии в судебных выступлениях защитников могут быть представлены как метафоры. Показательным в этом отношении стало дело управляющего московской гостиницей «Черногория», привлеченного к уголовной ответственности. Одна девушка приехала в Москву из провинции с намерением найти работу домашнего учителя игры на фортепиано и остановилась в этой гостинице, заняв комнату на третьем этаже. Было уже за полночь, когда подвыпивший управляющий решил нанести ей «визит». На требование впустить его девушка ответила отказом, после чего по его приказу начали ломать дверь. Девушка при 25-градусном морозе в одной сорочке выпрыгнула из окна. Ее спасло то, что во дворе было много снега, однако она сломала руку, что оказалось непреодолимым препятствием для преподавания.

При рассмотрении дела в суде защитник обвиняемого наигранно-наивно отказывался понять, чего так испугалась девушка и почему выбросилась из окна с риском для жизни. Плевако, защищавший интересы пострадавшей, привел такую метафору: «В далекой Сибири в дремучей тайге водится зверек, которого судьба наградила белой как снег шубкой. Это горностай. Когда он спасается от врага, готового его растерзать, а на пути встречается грязная лужа, которую нет времени миновать, он предпочитает смерть от врага, чем замарать свою белоснежную шубку. И мне понятно, почему потерпевшая выскочила в окно». Суд признал управляющего виновным.

В.В. Мельник приводит умелую метафорическую интерпретацию нелестного выражения адвокатом С.А. Андреевским, позволившую позитивно оценить критикуемое отдельными лицами явление. Дело касалось Кронштадтского банка [9]. Образно обыгрывая выражение «суд улицы», С.А. Андреевский под «улицей» имел в виду присяжных – обыкновенных, простых людей, знающих жизнь, которые в большей степени способны служить началам общечеловеческой справедливости, сочувствовать и сопереживать потребностям и чувствам попавшего в беду человека, чем оторванные от жизни люди с кабинетными или салонными занятиями».

А.Ф. Кони утверждал, что если мысли текут, развиваются в четкой логической последовательности, такую речь не только возможно, но и приятно слушать, ибо она покоряет ум и сердце своим ладным, гармоническим единством, но «если мысль скачет с предмета на предмет, перебрасывается, если главное постоянно прерывается, то такую речь почти невозможно слушать» [10, с. 115]. Такая речь мало влияет на принятие судом обоснованных умозаключений. Цитируем В.К. Случевского: «Внутреннее убеждение Судьи должно быть сознательным, т.е. таким, в отношении которого Судья мог бы всегда дать себе отчет о том, почему сложилось оно у него; оно не должно основываться на одном только инстинктивном предчувствии истины, а должно быть продуктом критического отношения Судьи как к наблюдавшимся им фактам, так и к тому психологическому процессу, при помощи которого он их воспринял и оценил.

Уверенность, сложившаяся в наблюдателе в отношении наблюдаемых им актов, может быть различна: она может заключаться в вероятности, но может и перейти в полную несомненность. Спрашивается: какая степень уверенности требуется для образования внутреннего судебного убеждения? О полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных Судья вынужден, по несовершенству средств человеческого правосудия, удовлетворяться по необходимости лишь более или менее высокой степе-

нию вероятности. ... в судебных же исследованиях число фактов, подлежащих судебной оценке, ограничивается существенными обстоятельствами данного случая и не может быть увеличиваемо помощью экспериментов.

Таким образом, внутреннее убеждение представляется не чем иным, как той степенью вероятности, при которой благоразумный человек считает доказываемый факт достоверным» [18, с.78-79].

Суждение в судебном процессе – это проявление прежде всего психологической уверенности, что исследованные доказательства полны и представляют единое целое картины правонарушения или отсутствия такового. Далеко не всегда эта картина в полной мере раскрывает все необходимое, чтобы судить о связи поступков и их последствий с реальной действительностью. Тогда возникает вероятность суждения суда по личному убеждению, если исключить иные факторы судейского субъективного плана. Еще в начале XX в. Н.А. Терновский писал: «Чрезвычайно трудно установить с точностью различные степени убеждения, т. е. уверенности в отношении наблюдаемых фактов, формы проявления активности. ... Соответственно влечению судьи верить в действительность или, наоборот, в недействительность факта в нем рождаются разные оттенки убеждения – сомнение, предположение, вероятность.

Бесконечно разнообразны те обстоятельства, из которых ум может догадываться об известном явлении.

Внутреннее убеждение, т.е. убеждение по крайнему разумению, по совести, в том смысле, что никакие посторонние побуждения и соображения не влияли на судью, свободно, без всяких формальных масштабов оценившего силу доказательств, должно быть чуждо произвола, должно обладать свойствами, необходимыми для вселения к себе доверия. ... Оно должно вытекать из объективных оснований, порождающих в судье субъективную уверенность (ибо всякая достоверность носит субъективный характер) в отношении и действительности значения тех фактов, которые были подвергнуты исследованию. ... Значение убеждения находится в прямой зависимости от того, вытекает ли оно из фактических обстоятельств дела.

Истина признается обнаруженной тогда, когда выясняется полное соответствие между нашими идеями и фактами.

Внутреннее убеждение должно быть сознательным, т.е. таким, в отношении которого судья мог бы всегда дать себе отчет, почему оно сложилось у него. ... должно удовлетворять всеобщему значению законов мышления, представляющихся вообще достаточными, должно быть продуктом критического отношения судьи как к наблюдаемым им фактам, так и к тому психологическому процессу, при помощи которого он их воспринял и оценил.

...Субъективизм в достоверности – дело совести, личного сознания, убеждения, которое вселяется в нас не по арифметическому расчету, не посредством сложения улик, но внешне, по впечатлению, производимому совокупностью всех обстоятельств данного дела. Это есть только один из элементов судейского убеждения, но не единственное его основание.

...Конечно, в тех случаях, где наше заключение основывается на незыблемых законах природы, изменчивое настроение чувства не влияет на наше убеждение. Но в тех случаях, где не может быть достоверности, а бывает только вероятность, наше убеждение зависит не только от противоречащих внешних влияний, феноменов, но и от изменчивых наших настроений...

... только человек судит об истинности факта, индивидуальность, субъективность этого человека сильнейшим образом влияет на образование убеждения» [19, с.21-22].

Далее ... «Что касается до второго источника ошибок, до влияния чувств, душевных волнений и страстей, то извращение влияния этого источника на правильность убеждений слишком общеизвестно, чтобы много об этом распространяться. Что личный интерес, страх, любовь, сомнение, антипатии, поэтические идеалы, религиозные чувства влияют на нашу умственную деятельность – это одно из самых распространенных и наименее спорных положений о человеческой природе. Бэконова *idola* большей частью составлена из предрассудков и страстей. Влияние чувства на наше убеждение совершается отчасти чрез волю, отчасти чрез интеллект.

Было бы ошибочно думать, что наше убеждение в достоверности фактов, составляющих прошлое событие, складывается исключительно путем логическим, без влияния чувств» [19, с.24].

И здесь можно обратиться к Кодексу этики судьи, АПК РФ, ГПК РФ, когда беспристрастность судьи должна определяться им самим, самооцениваться. Но никто не сможет ответить, насколько человек-судья отличается от человека не процессуального. Есть такие судьи, которые освобождены на время от участников процесса абстракцией равенства всех перед судом, от прошлых отношений с ними в различного рода ситуаций (далеко не формально обозначенных в Законе РФ).

А.А. Косых [20], исследуя природу и сущность внутреннего убеждения правоприменителя (судья, прокурор, следователь или адвокат), отмечал нерешенность проблемы, в том числе вопроса определения факторов, влияющих на формирование внутреннего убеждения. Цитируя Е.В. Веретенникова, Е.Д. Горевой, О.Е. Яцишина, он перечисляет варианты отнесения к субъективным факторам внутреннего убеждения «здравый смысл как интеллектуальную основу человеческого фактора», нравственный ориентир (совесть) и правосознание (элементы правовой идеологии и правовой психологии – правовая интуиция, чувство долга, справедливость, ответственность). Позволим не согласиться, что здравый смысл, чувство долга или справедливость и ответственность могут лежать в основе позиции всех перечисленных правоприменителей. Каждый из них имеет свои взгляды на действительность, исходя из практической деятельности, выработанных вышестоящими органами задач и установок сегодняшнего дня. Вывать к совести этих правоприменителей – значит получить отказ по формальному признаку – сознательному нарушению права, самоуправству, что практически всегда неправомерно.

Таким образом, суждение как философская и юридическая категория представляет собой мнение судьи на основе объективных и логически связанных объективных фактов, а также факторов, имеющих вероятностный характер. Это суждение включает и сиюминутное состояние судьи и его психологические личностные качества, чувства и сомнения по отношению к участникам процесса.

В экономике, согласно неоклассической концепции, «экономический человек» – это общее понятие, представление о рационально мыслящем индивидууме, который обладает определенным набором предпочтений, располагает исчерпывающей информацией, может рассчитать вероятность наступления возможных результатов, строит свои планы и действия, опираясь на принцип получения максимальной выгоды. Но эксперименты, проводимые экономистами-бихевиористами, выявили некий парадокс: в реальности поведение людей не все-

гда рационально и укладывается в рамки, заданные на основе модели «экономического человека». Чтобы понять, как функционирует экономика и как эффективно управлять ею, надо понимать, каким образом размышляют агенты и участники рынка, принимая разного рода экономические решения. Но для этого надо изучить иррациональное начало, которое стоит за человеческими чувствами, мыслями и поступками.

Известен «Парадокс Алле» [23]. Во время исследований процессов принятия решений в условиях неопределенности и разнесенном во времени выборе французский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике «За вклад в теорию рынков и эффективного использования ресурсов» Морис Алле обнаружил парадокс, впоследствии названный в его честь, и отражающий противоречие гипотезы ожидаемой полезности. Ученый математически доказал неприменимость теории максимизации ожидаемой полезности в условиях риска и неопределенности. Парадокс демонстрирует, что рационально ведущий себя экономический агент предпочитает не получение максимальной ожидаемой полезности, а достижение абсолютной надежности. Этот парадокс ставит вопросы о рациональности человека и, следовательно, о принципиальной возможности построения рациональной экономической теории.

«Парадокс Эллсберга» [24] – это когнитивное искажение, описывающее такую ситуацию, когда сложно принять решение из-за недостатка информации или ее неоднозначности. Иначе этот парадокс именуется «эффектом неоднозначности», или «нетерпимостью неопределенности». Эффект предполагает, что люди предпочитают решение, для которого известна вероятность благоприятного исхода, нежели решение, вероятность благоприятного исхода которого еще неизвестна. Одним из объяснений такого выбора может служить то, что люди, скорее всего, используют эвристическое правило для избегания вариантов, в которых информация отсутствует. Эксперименты Эллсберга показали, что для многих людей риск как известная вероятность и неопределенность как неизвестная вероятность – абсолютно разные понятия.

Таким образом, использование умозаключений не только по аналогии, но и с учетом психологии человека и ситуации, в которой он находится, в судебном доказывании имеет свои особенности, а именно: возможность моделирования ситуации, использование неправомерной аналогии с целью публичной демонстрации ее ошибочности, несостоятельности; проявление иронии и яркой метафоричности. Аналогия и учет наибольшей вероятности, а не высшей эффективности поведения, характерной для небольшого количества управленческих решений, в том числе относительно обстоятельств и времени их принятия, позволяют нам обращаться к жизненному опыту и использовать его в тех случаях, если демонстративные умозаключения невозможно применять ввиду недостатка необходимых знаний. Это дает возможность восполнять пробелы и выносить юридически значимые решения по экономическим вопросам, когда необходимо посредством установления новых юридических норм и судебной практики урегулировать социально значимые отношения. К числу таких суждений или оценочных понятий в современной правоприменительной практике (в большинстве случаев банкротных дел) относится понятие – «разумный руководитель», то есть максимально эффективный с точки зрения принятия решений и их результатов по отношению к кредиторам и имуществу должника. Этот аспект предполагается рассмотреть в следующей статье. Заслуживают внимания и суждения по уже установленным судебным актам.

1. Невельская-Гордеева, Е.П. Абдукция как логический метод поиска истины // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Социология». – Симферополь: Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского. – 2020 – Т. 27 (66), №3. – С. 418-423.
2. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Юрист, 2021. – 781 с.
3. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – Изд. 5-е – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
4. Головин, С.Л. Мировоззренческая обусловленность научного исследования // Международный симпозиум «Путь, истина и жизнь»: материалы науч.-практ. конф. «Мировоззренческая обусловленность в науке, образовании, медицине и социальной практике»: альманах. – Курск. Изд-во Курского института менеджмента, экономики и бизнеса. – 2021. – Вып. 6. – 136 с.
5. Введенская, Л.А. Риторика для юристов: учебное пособие для вузов. – М.: Феникс, 2019. – 568 с.
6. Мельник, В.В. Искусство защиты в суде присяжных: учеб.-практ. пособие. – М.: Дело, 2020. – 242 с.
7. Кони, А.Ф. Избр. произв. – М., 1956. – 378 с.
8. Шестопал, С.С. Политико-правовой персонализм и плюрализм – взгляды и трактовки Ж. Маритена // Теория и практика правоведения. – 2020. – Вып. 1 (5). – С. 32.
9. Невельская-Гордеева, Е.П. Особенности применения умозаключений по аналогии в судебной аргументации / Е.П. Невельская-Гордеева, С.С. Шестопал // Территория новых возможностей. – Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – №2. – С. 76-83.
10. Коньшина, А.И. Свидетельские показания как доказательство по уголовному делу: некоторые проблемные аспекты // Научный альманах. – 2018. – №4-1 (42). – С. 231-233.
11. Лазарева, В.А. Неознакомление защитника с постановлением о назначении экспертизы как основание признания заключения эксперта недопустимым доказательством // Уголовное право. – 2020. – №1. – С. 40.
12. Лебедев, Н. Ю. Некоторые проблемные аспекты проведения осмотра места происшествия // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2019 – С. 217.
13. Макеев, А.В. Свидетель в уголовном судопроизводстве РФ // Российский следователь. – 2020 – №7. – С. 14-19.
14. Маслов, А.Д. Заключение эксперта как источник доказательств по уголовным делам: вопросы теории и практики // Научный поиск. – 2019. – №3. – С. 77-79.
15. Новиков, С.А. Институт доказывания в уголовном процессе России // Евразийская адвокатура. – 2020. – №2. – С. 1-12.
16. Шаталов, А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебный курс в 3-х томах. – Т. I. Общие положения: Москва – Великий Новгород: ИД МПА-Пресс, 2020. – 945с.
17. Шараева, Я. А. Актуальные вопросы производства проверки показаний на месте // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – №14-1. – С. 209-210.
18. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I. Судостроительство (ред. и предисл. В.А. Томсинова). – 2008, «Зерцало», <https://internet.garant.ru/#/startpage:0>.
19. Терновский, Н. А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам (пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей). – Тула, типография В. Н. Соколова, 1901, <https://internet.garant.ru/#/startpage:0>.
20. Интеллектуальная составляющая в структуре внутреннего убеждения правоприменителя: вопросы теории и практики (А.А. Косых, журнал //«Труды Академии управления МВД России». – 2022 – №4, <https://internet.garant.ru/#/startpage:0>).
21. Вайпан, В.А. Теория справедливости: право и экономика: монография. – Юстицинформ, 2017, <https://internet.garant.ru/#/startpage:0>.
22. Карапетов, А.Г. Экономический анализ права. – Статут, 2016, <https://internet.garant.ru/#/startpage:0>.
23. Одинцова, М.И. Экономика права. <https://internet.garant.ru/#/startpage:0>.
24. Поведенческая экономическая теория и поведенческие финансы как необходимый этап развития модели экономического человека (И.А. Кирсанов, Л.Б. Парфенова) // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020 – №9 (часть 1).
25. Формирование конкурентоспособности работников современных организаций (Е.В. Вашаломидзе, С.Б. Костюченко) // Экономика труда. – 2024 – №6.
26. Власов, А.В., Гаилов, Г.С. Поведенческая экономика как новая область исследования в экономической науке. <https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskaya-ekonomika-kak-novaya-oblast-issledovaniya-v-ekonomicheskoy-nauke/viewer>.